

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

28 октября исполняется 100 лет со дня рождения Флориана Павловича Ждановича — актера, режиссера, одного из основателей белорусского профессионального театра.

Три рассказа о нем, три воспоминания...

Заир АЗГУР,
народный художник СССР, Герой Социалистического Труда

Это было шестьдесят лет тому назад... Я впервые приехал в Минск из родного Витебска, приехал с наказом директора нашего краеведческого музея сделать портреты Янки Купалы, Якуба Коласа и Змитрока Бядуля. Конечно, очень волновался, понимая, какое важное дело мне доверено.

На первом же сеансе Змитрок Бядуля завел разговор о театре. Рассказывал о талантливых актерах и драматургах, наказал обязательно побывать на спектаклях Первого белорусского драматического театра. Спусти несколько дней, когда мы с Бядулей гуляли по Минску, к нам подошел стройный, элегантно одетый человек. Интересное лицо, крепкое рукопожатие... Это был Флориан Павлович Жданович. Помню, когда Бядуля объяснил, что я леплю его портрет, Жданович сказал: «Это замечательно!». И добавил: «Значит, будут у нас свои скульпторы-профессионалы».

Его манера говорить напомнила речь Янки Купалы. Внешне Жданович и Купала были совсем не похожи, но в их лицах было что-то родственное. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление.

Потом мы встречались довольно часто. И чаще всего в доме актера Владимира Дедюшко. Здесь бывали художники, писатели, поэты. Заходил и Жданович. Обычно не один, а со своим товарищем по сцене Владимиром Крыловичем. О чем бы ни шла речь до этого, с их приходом разговор всегда сворачивал в «театральное русло». Обсуждали последние спектакли, спорили, каким должен быть

настоящий театр, рассуждали о природе актерского искусства. Запомнилось поразившее меня заявление Ждановича, что внутреннее перевоплощение — это, конечно, основа основ, но только начинается все с поиска внешней характеристики. Угадает актер это внешнее — манеру своего героя говорить, ходить, действовать — и внутреннее состояние появится само собой, без всяких дополнительных усилий.

Говорил Флориан Павлович прекрасно. Иногда просто поражал точностью наблюдений и тонким знанием законов сцены. В его суждениях о литературе, о том или ином писателе проявлялись и вкус, и чутье, и независимость мнений. В числе его любимых писателей была Элиза Ожешко. Однажды, случайно встретившись с ним в сквере у театра, мы проговорили о ее творчестве несколько часов вкряду. Говорил, конечно, больше Флориан Павлович, я же был благодарным слушателем. Благодарным и внимательным, потому что раньше не слышал ничего подобного.

— Большое искусство по сути своей всегда интернационально, — говорил Жданович. — Вот Ожешко... Это писательница, которая объединила своей душой белорусов и поляков, латышей и литовцев...

Был солнечный день начала осени. Разговаривая, мы присели на скамейку под кленами. Флориан Павлович был грустен. Впечатление такое, будто его гнетет какая-то внутренняя тревога.

— Как время летит! — сказал он. — Осень пришла, а я и не заметил...

Это была наша последняя встреча.

Ирина ЖДАНОВИЧ,
народная артистка БССР

Воспоминание самого раннего детства: отец с мамой, как обычно, уезжают на спектакли, а мы, дети, остаемся дома с тетей. Впереди целый вечер — родители вернутся только полночь, значит, полная свобода действий. Мы примериваем мамин платок, напильник отцовские папки, изображаем процесс и волшебников. Нас трое: сестра, чуть постарше меня, младший брат и я — заводила и начинщик всех недозволенных игр. Глядя на меня, мама не скрывала своего огорчения: «Надо же, мальчишка-сорванец, а не девочка из хорошей семьи...». Зато отцу мои мальчишеские повадки явно imponировали. Наверное, потому, что он долго ждал сына. Родившегося последним моего младшего брата люблю страстно... Он был ласков со всеми, но если кому-то случалось набедокурить, спрашивал с провинившегося строго. Само собой, мы его горячо любили. Но, если что-нибудь натворим, предпочитали, понятно, покаяться маме.

Говорят, доброго человека легко узнать по его отношению к животным. Сколько помню себя, у нас в доме постоянно жили собаки. Отец воспитывал их, с удовольствием возился с ними, и они отвечали ему самой горячей привязанностью. Как-то жила у нас красавица сорока. Отец подобрал ее совсем маленькой, принес домой, приручил. Она спокойно разбегалась по двору, безбоязненно заглядывала в квартиры соседей. К ней так привыкли, что никто не обращал внимания на ее визиты. Но потом начались неприятности — у соседей стали пропадать серебряные и золотые вещи. Искли похитителя, но безуспешно. Пока однажды мы с сестрой, играя на крыльце, не за-

метили, что в щель между ступеньками что-то блеснит. Там оказался целый склад, устроенный нашей пернатой добычей. Чего там только не было! Золотые кольца и серебряные ложки, бирюзовые серьги и блестящие кусочки стекла... Ценности вернули хозяевам, а с сорокой, к большому огорчению отца, пришлось расстаться.

Театру он отдавал большую часть своих сил и времени. Жили мы на средства маминых родственников, все отцовское жалованье — он служил бухгалтером — уходило на костюмы и декорации. Мама, кажется, ревновала отца к театру, но что она могла поделать?

Сейчас не вспомню, когда я первый раз увидела отца на сцене, не могу припомнить и свои тогдашние впечатления. Позже, когда сама уже работала в театре, поняла: отец был замечательным актером. Он был естествен и органичен в реплих самого разного репертуара. Образование? Четыре класса реального училища и актерская школа в Варшаве. Однако профессиональное чутье и врожденная интуиция позволяли ему безошибочно передавать особенности времени, среды, предлагаемые драматургом. Всю жизнь он жадно тянулся к культуре, знаниям, много читал. Любил Мицкевича, любил Купалу, с которым впоследствии познакомился и подружился. Купала бывал у нас дома, и всякий раз, ожидая гостя, отец волновался и по вторял домашним: «Вы даже не представляете, какой это поэт! Это наша гордость».

Мне запомнились три актерские работы отца. Первые две — изящный, манерный граф Дорант в «Мещанине во дворянстве», властный, жестокий Делюран в «Кастусе Ка-

линовском» — бесспорно, удачные. Но вот третья — роль Пеклевана в «Бронепоезде 14-69»... На мой взгляд, это вершина его актерского мастерства. Помню, когда на сцене появился Пеклеванов, я не сразу узнала отца... Проработав в театре не один десяток лет, скажу, что такое чудо полного актерского перевоплощения встречается крайне редко.

Как всякий актер, отец был весьма чувствителен к успеху, популярности. И все-таки берусь утверждать, что он любил не себя в искусстве, а искусство в себе, был бескорыстен в любви к театру. Вот характерный пример. До прихода в театр Евстигния Афиногеновича Мировича отец был, бесспорно, главным человеком в труппе: он и директор-организатор, и художественный руководитель, и ведущий актер. Когда пришел Мирович, первокурсный по тем временам режиссер и педагог, вполне естественно, что художественное руководство перешло к нему. Так вот за время их совместной работы я не слышала от отца ни одного недоброжелательного слова в адрес Евстигния Афиногеновича. Наоборот, он не раз подчеркивал, что благодаря Мировичу художественный уровень труппы заметно вырос. Помню, одно лето они даже отдыхали вместе.

Человек во многих отношениях незаурядный, отец с первого взгляда определял людей ода-ренными. Думаю, его огромная заслуга уже в том, что к приходу Мировича он собрал прекрасный актерский коллектив. А. Ильинский, К. Санников, Л. Ржецкая, Г. Григорис, Е. Миронова, В. Тарасик... Им многое было по плечу, а главное, это были люди, всей душой преданные сцене.

Стефания СТАНЮТА,
народная артистка БССР

Впервые о Флориане Павловиче я услышала от своей подруги Ольги Вашкевич. Под псевдонимом Ольга Верас она участвовала в отдельных спектаклях Первого товарищества белорусской драмы и комедии. О Ждановиче отзывалась с почтением и восхищением. Ведущий актер, удивительно интересный человек!.. Когда я сама стала членом товарищества и познакомилась с Флорианом Павловичем лично, то не могла не согласиться с ее мнением. Приятная внешность, живые глаза, врожденная элегантность, мягкие манеры — трудно было не поддаться его обаянию. Прибавьте к этому незаурядный актерский дар и внутреннюю культуру, и вам станет ясно, почему все мы, молодые актрисы, были немного им увлечены.

На сцене впечатление он производил удивительно. В некоторых ролях буквально потрясал. Это был актер неограниченных, виртуозных возможностей. С каким блеском, например, сыграл он тетку Чарлея в одноименном английском фарсе!..

Мне редко доводилось выходить на сцену в спектаклях, поставленных Флорианом Павловичем. Все мои тогдашние роли сводились к коротеньким эпизодам или массовкам. Поэтому, каким он был режиссером, мне судить трудно. Но вот педагогическая жилка в нем, конечно, была, и молодых он жаловал. Участвовал в наших розыгрышах и шутках, в поездках, когда приходилось и пешком шагать, и на подводах трястись, и часами поездку ждать...

Осенью двадцать первого года я уже собралась в Москву — учиться. Окончив студию, уехала работать в Витебск.

Больше шестидесяти лет прошло с тех пор. Я прожила в театре долгую-долгую жизнь. И сегодня, думая о тех далеких днях, о своих первых сценических опытах, вспоминаю и Флориана Павловича, замечательно-го актера и красивого человека. И эти воспоминания мне бесконечно дороги.

Записала
Н. КОСТЕРОВА.